Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7518-2026-2-14-18

МУТЧАЕВ Ислам Казбекович,
магистрант Северо-Кавказского института — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пятигорск, Россия,
e-mail: islamytchaev@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СЛОВА И ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена вопросу о том, как в условиях современного интернет-регулирования должны работать конституционные гарантии свободы слова и права на доступ к информации. Автор исходит из того, что основная проблема состоит не в самом наличии ограничений, а в их правовой определённости, процедуре применения и технической адресности. Рассматриваются обязанности информационных посредников, регулирование рекомендательных технологий, блокировка ресурсов и ответственность за отдельные формы доступа к запрещённой информации. Делается вывод, что интернет-ограничения должны оцениваться через три взаимосвязанных критерия: ясность правового основания, возможность эффективной судебной проверки и соразмерность технического способа вмешательства.

Ключевые слова: свобода слова; право на доступ к информации; конституционные гарантии; Интернет; информационное право; судебный контроль; соразмерность; блокировка.

MUTCHAEV Islam Kazbekovich,
Master's student, North Caucasus Institute — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Pyatigorsk, Russia

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF FREEDOM OF SPEECH AND ACCESS TO INFORMATION ON THE INTERNET: LIMITS OF IMPLEMENTATION AND LAW ENFORCEMENT PROBLEMS

Annotation. The article discusses how constitutional guarantees of freedom of speech and access to information should operate under modern Internet regulation. The author argues that the central issue is not the existence of restrictions as such, but their legal certainty, procedural safeguards and technical targeting. The article examines the duties of information intermediaries, regulation of recommendation technologies, blocking of online resources and liability for certain forms of access to prohibited information. It concludes that Internet restrictions should be assessed through three connected criteria: clarity of the legal basis, availability of effective judicial review and proportionality of the technical method of interference.

Key words: freedom of speech; access to information; constitutional guarantees; Internet; information law; judicial control; proportionality; blocking.

Введение

Вопрос о реализации свободы слова и права на доступ к информации в сети Интернет, гарантированных статьёй 29 Конституции Российской Федерации [1], сегодня уже не сводится к классической проблеме допустимости высказывания. В цифровой среде правовое значение приобретают не только содержание сообщения, но и способ его распространения, алгоритмы продвижения, действия информационных посредников, технические способы блокировки и поведение пользователя, связанное с поиском определённой информации.

Именно поэтому конституционно-правовой анализ интернет-регулирования требует смещения акцента: важно установить не только то, вправе ли государство ограничивать доступ к противоправной информации, но и то, какими процедурами, в каких пределах и с какими гарантиями такое ограничение должно осуществляться. В противном случае формально допустимая защита публичных интересов способна обернуться избыточным вмешательством в правомерную коммуникацию и доступ граждан к информации.

Цель настоящей статьи — определить систе-

му конституционных гарантий свободы слова и права на доступ к информации в сети Интернет и показать, какие элементы этой системы требуют дополнительной правовой настройки в условиях расширения ограничительных механизмов.

Конституционно-правовая природа свободы слова и права на доступ к информации

Свобода слова и право на доступ к информации сочетают личное и политическое начало: они защищают индивидуальную автономию и одновременно служат условием публичной дискуссии и контроля граждан за властью. Статья 29 Конституции закрепляет свободу мысли и слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, свободу массовой информации и запрет цензуры. Международный стандарт свободы выражения мнения закреплён статьёй 19 Международного пакта о гражданских и политических правах [7], сохраняющего обязательную силу для России; практика Европейского суда по правам человека после прекращения участия Российской Федерации в соответствующей Конвенции с 16 сентября 2022 года перестала быть обязательной и значима лишь в сравнительно-правовом и доктринальном отношении, поскольку приоритет имеет Конституция (статья 79).

Система гарантий в сети Интернет

В настоящем исследовании конституционные гарантии свободы слова и права на доступ к информации предлагается рассматривать не только как совокупность норм, закрепляющих соответствующие права, но и как проверочный механизм. Его смысл — оценить три обстоятельства: насколько ясно определено основание ограничения; какой орган принимает решение и существует ли возможность его судебной проверки; соответствует ли выбранный технический способ ограничения характеру противоправного материала [12; 13; 15].

Такой подход позволяет различить три уровня гарантий. Нормативный уровень задаёт содержание права и пределы его ограничения — прежде всего через статью 29 Конституции и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2]; институциональный определяет круг субъектов, участвующих в обеспечении и ограничении доступа к информации, — суды, прокуратуру, Роскомнадзор, Уполномоченного по правам человека; процессуальный отвечает за обжалование, судебную проверку и восстановление нарушенного права. В интернет-среде именно процессуальный уровень приобретает особое значение, поскольку техническое ограничение доступа нередко действует быстрее, чем лицо успевает оспорить его правомерность.

Реализация этих гарантий в сети опосредуется деятельностью информационных посредников — операторов связи, провайдеров хостинга, владельцев социальных сетей, поисковых систем и агрегаторов. Это смещает проблему: конституционные гарантии должны распространяться не только на отношения «гражданин — государство», но и на отношения с участием платформ, чьи публично-правовые обязанности в последние годы последовательно расширяются.

Рекомендательные технологии не ограничивают доступ к информации в классическом смысле: ресурс формально остаётся доступным. Однако именно алгоритмическая выдача определяет, какую информацию пользователь фактически увидит, а какая останется для него малозаметной. Поэтому прозрачность правил рекомендации значима не только для потребительского выбора, но и для реализации права на доступ к информации. Закон требует размещать правила применения рекомендательных технологий на русском языке и обеспечивать к ним беспрепятственный и безвозмездный доступ, а при неисполнении этих обязанностей допускает требование прекратить применение таких технологий вплоть до ограничения доступа к ресурсу [2]. В этом виден переход от контроля за содержанием информации к контролю за инфраструктурой её распространения [14].

Пределы ограничения и проблемы правоприменения

Пределы свободы слова и доступа к информации заданы частью 3 статьи 55 Конституции: ограничение допустимо только федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей — основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороны и безопасности государства. Отсюда вытекают три обязательных условия правомерного ограничения: законность, наличие конституционно значимой цели и соразмерность, то есть пригодность, необходимость и сбалансированность меры.

Действующий механизм ограничения доступа строится вокруг системы реестров и блокировок (статьи 15.1–15.9 Закона об информации) и ряда специальных режимов. Закон о «суверенном интернете» 2019 года ввёл инструменты централизованного управления российским сегментом сети; закон о «приземлении» 2021 года возложил обязанности на крупные иностранные интернет-компании [3]; с 2024 года владельцы страниц с аудиторией свыше десяти тысяч пользователей обязаны передавать сведения о себе в реестр Роскомнадзора [4]. Принципиально иной шаг сделан в 2025 году: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [6] дополнен статьёй 13.53, установившей ответственность за умышленный поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием средств об-

хода ограничений [5]. Тем самым объект регулирования смещается с распространения противоправного контента на сам доступ к информации и на поведение пользователя.

При применении такой нормы особое значение приобретает субъективная сторона правонарушения. Для конституционно допустимого ограничения недостаточно самого факта обращения пользователя к определённому материалу: требуется установить умышленный характер поиска, осведомлённость лица о заведомо экстремистском характере материала и отсутствие добросовестной цели — например научной, профессиональной или правозащитной. Иначе возникает риск смешения противоправного интереса к запрещённому материалу с правомерным изучением правового режима соответствующей информации.

Критерии правомерного ограничения конкретизированы судебной практикой. Конституционный Суд Российской Федерации признал, что владелец сайта обязан удалить по требованию гражданина порочащую информацию, признанную не соответствующей действительности вступившим в законную силу судебным решением [8], а в сфере средств массовой информации указал на необходимость обеспечения судебной защиты прав участников соответствующих отношений [9]. Существенны и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации: по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации требуется разграничивать проверяемые утверждения о фактах и оценочные суждения [11], а цензура определяется как предварительное согласование материалов либо запрет на их распространение [10].

Из этих позиций следует не общий запрет на ограничение информации, а более точный вывод: суд должен проверять не только наличие противоправного материала, но и адресность выбранной меры. Если доступ ограничивается к ресурсу или сетевому адресу целиком, необходимо отдельно оценивать, затрагивает ли такая мера правомерные материалы и права третьих лиц. Применительно к интернет-среде именно адресность ограничения становится практическим выражением требования соразмерности.

На этом фоне обозначаются три повторяющиеся проблемы правоприменения. Во-первых, оценочные формулировки ряда ограничительных норм снижают правовую определённость и затрудняют предвидение последствий поведения. Во-вторых, ограничение доступа преобладающе осуществляется во внесудебном порядке, тогда как судебный контроль остаётся ключевой процессуальной гарантией соразмерности. В-третьих, отдельные технические способы — прежде всего блокировка по сетевому адресу — способны затрагивать правомерные ресурсы, не содержащие запрещённой информации, и тем самым избыточно ограничивать права третьих лиц.

Заключение

Проведённое исследование позволяет уточнить исходную постановку проблемы. Вопрос заключается не в том, могут ли свобода слова и доступ к информации ограничиваться в сети Интернет: такая возможность прямо следует из части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. Более сложным является другой вопрос — каким образом отличить конституционно допустимое ограничение от чрезмерного вмешательства в правомерную коммуникацию.

На мой взгляд, для такой оценки недостаточно ссылаться только на наличие федерального закона или на публично значимую цель. В интернет-среде ограничение часто реализуется технически быстро и затрагивает не только конкретный материал, но и способ доступа к нему, работу платформы, поисковую выдачу или сетевой адрес. Поэтому гарантийный механизм должен проверяться не формально, а по существу: было ли основание ограничения достаточно определённым; могло ли заинтересованное лицо добиться судебной проверки; не затронула ли выбранная техническая мера больше информации, чем требовалось для пресечения нарушения.

С этих позиций действующее регулирование выглядит неоднородно. С одной стороны, оно позволяет государству реагировать на действительно опасные формы распространения и получения противоправной информации. С другой — отдельные элементы этого регулирования, включая внесудебные блокировки, оценочные формулировки и ответственность за некоторые формы доступа к запрещённым материалам, требуют более точной процессуальной настройки. Иначе защита публичных интересов может восприниматься не как исключительное ограничение права, а как обычный режим управления информационной средой.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства должно идти по трём направлениям: конкретизация оснований ограничения доступа, усиление судебной проверки ограничительных решений и закрепление требования адресности технической меры. При таком подходе регулирование сети Интернет будет выполнять не только охранительную, но и гарантийную функцию — обеспечивать баланс между публичными интересами и реальным осуществлением свободы слова и права на доступ к информации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями от 1 июля 2020 г.). // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 08.05.2026).

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №

149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в действ. ред.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 08.05.2026).

[3] Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ на территории Российской Федерации» (в действ. ред.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388781/ (дата обращения: 08.05.2026).

[4] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482565/ (дата обращения: 08.05.2026).

[5] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях...» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511068/ (дата обращения: 08.05.2026).

[6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в действ. ред.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 08.05.2026).

[7] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17. — Ст. 291.

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149168/ (дата обращения: 08.05.2026).

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2019 г. № 4-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316142/ (дата обращения: 08.05.2026).

[10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401/ (дата обращения: 08.05.2026).

[11] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 08.05.2026).

[12] Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. Т. 1 / С. А. Авакьян. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. — 864 с.

[13] Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект) : монография / Э. В. Талапина. — Москва : Юриспруденция, 2015. — 192 с.

[14] Полякова Т. А. Информационное право : учебник / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов. — Москва : Проспект, 2023. — 376 с.

[15] Бачило И. Л. Информационное право : учебник для вузов / И. Л. Бачило. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2020. — 419 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended on July 1, 2020). // Official Internet Portal of Legal Information — URL: http://pravo.gov.ru. (Accessed: May 8, 2026).

[2] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ «On Information, Information Technologies, and the Protection of Information» (as amended) // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (Accessed: May 8, 2026).

[3] Federal Law of July 1, 2021 No. 236-FZ «On the Activities of Foreign Persons in the Information and Telecommunications Network «Internet» on the Territory of the Russian Federation» (as amended) // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388781/ (accessed: May 8, 2026).

[4] Federal Law of August 8, 2024 No. 303-FZ «On Amendments to the Federal Law «On Communications» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482565/ (accessed: May 8, 2026). [5] Federal Law of July 31, 2025 No. 281-FZ «On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses...» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511068/ (date of access: 08.05.2026).

[6] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended) // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 08.05.2026).

[7] International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on December 16, 1966) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. — 1976. — No. 17. — Art. 291.

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 9, 2013, No. 18-P // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149168/ (date accessed: 08.05.2026).

[9] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 17, 2019, No. 4-P // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316142/ (accessed:

08.05.2026).

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2010, No. 16 «On the Practice of Applying the Law of the Russian Federation «On Mass Media» by the Courts» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101401/ (date of access: 08.05.2026).

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005, No. 3 «On Judicial Practice in Cases of Protecting the Honor and Dignity of Citizens, as well as the Business Reputation of Citizens and Legal Entities» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (date of access: 08.05.2026).

[12] Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia: a course of study: in 2 volumes. Vol. 1 / S. A. Avakyan. - 5th ed., revised and enlarged. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. - 864 p.

[13] Talapina, E. V. Public Administration in the Information Society (Legal Aspect): monograph / E. V. Talapina. - Moscow: Jurisprudence, 2015. - 192 p.

[14] Polyakova, T. A. Information Law: a textbook / T. A. Polyakova, A. V. Minbaleev, V. B. Naumov. - Moscow: Prospect, 2023. - 376 p.

[15] Bachilo, I. L. Information Law: a textbook for universities / I. L. Bachilo. - 3rd ed., revised. and additional — Moscow: Yurayt, 2020. — 419 p.

